

КАЛЬТЕНМОР

ЛЮБОВЬ

вопреки
между мирами

Юлия Хансен

Юлия Хансен

Любовь вопреки.

Между мирами.

<https://litres.ru/74210574>

SelfPub; 2026

Аннотация

После событий романа «Кальтенмор»

(можно читать и как самостоятельное произведение)

Восемнадцатилетний Ярослав выходит из психиатрической клиники, так и не ответив себе на главный вопрос: он действительно помнит людей, которых никогда не существовало, или всё-таки безумен?

Неожиданное предложение работы в загадочной организации должно расставить всё по своим местам. Но знакомство с Ниной разрушает все планы. Когда девушка бесследно исчезает, поиски приводят Ярослава к открытиям, в которые невозможно поверить.

Оказывается, рядом с привычным миром существуют другие реальности, причудливо связанные между собой.

Чтобы вернуть любимую, Ярославу придётся рискнуть всем, бросить вызов могущественным силам и сделать выбор, от которого будут зависеть не только их жизни, но и судьбы целых миров.

Потому что иногда цена одной любви оказывается равна судьбе целых миров.

Содержание

Глава 1. Выпустили!

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Юлия Хансен

Любовь вопреки.

Между мирами.

Глава 1. Выпустили!

Тайник обнаружился ровно за два часа до выписки.

Ярослав понял это по звуку - короткому глухому стуку плитки под ногой уборщика, который двигал шваброй вдоль стены. Рука с зажатой в ней зубной щеткой замерла и из полукрытого рта в раковину капнула голубая мятная пена. В зеркале отражался невысокий филиппинец в синей медицинской униформе младшего персонала психушки. Он методично возил шваброй по полу, опасно приближаясь к дальнему углу.

Живот и спину защекотало от пробежавших нервных мурашек. “Блин. Что ж ты, зараза, такой добросовестный-то” - пробулькал парень вполголоса, быстро сплевывая зубную пасту. Надо срочно спасать положение.

Одна из напольных плиток у батареи чуть отходила от основания - Ярослав нашёл её ещё в первую неделю, случайно. Тогда в угол завалилась ложка, которую он швырнул об стену в приступе бессильной злости. Под плиткой обнаружилось

небольшое углубление. Похоже поляки, делавшие здесь ремонт, были не столь добросовестными, как этот чертов азиат.

Теперь в тайнике лежали четыре месяца лечения, завернутые в клочки туалетной бумаги. Таблетки, которыми доктор Хельберг пытался вылечить его от параноидальной шизофрении. Он научился держать пилюли за щекой до тех пор, пока дежурная медсестра не кивнет удовлетворенно и не отправится из палаты восвояси. Их накопилось много. Достаточно, чтобы вместо выписки домой продлить очарование пребывания в богоугодном заведении на неопределенный срок.

Он торопливо вышел из ванной, вытирая рот полотенцем, и словно невзначай выронил из рук стакан с водой. Пластиковая посуда с глухим дешевым хлопком упала на больничный кафель и поскакала прочь.

— Эншульдигун! Извините! - Ярослав округлил глаза. Несколько секунд трогательно и виновато смотрел на уборщика.

Тот наполовину распрямился и с опаской глянул на пациента, который был почти вдвое выше. Кто его знает, что на уме у этих ненормальных. Но наивное лицо парня со следами юношеских прыщей выражало совершенно искреннее раскаяние.

— Аллес гут - на затейливо изломанном немецком произнес филиппинец, тут же отвлекся на новообразовавшуюся лужу, а после успешного ее устранения забрал свою волшеб-

ную тележку и молча скрылся за дверь.

До самого его ухода Ярик стоял согнувшись, держал сложенные лодочкой ладони у груди, улыбался и угодливо кланялся, извиняясь.

Как только дверь закрылась, он в изнеможении рухнул на кровать. Размашисто перекрестился по-православному, прошептав одновременно “God sei Dank”. А что? Он уже почти три года живет здесь, интегрировался. Руки предательски тряслись. Месяцы дисциплины, и всё едва не рухнуло из-за излишне прилежного мастера чистоты.

Он подождал, пока в коридоре стихнут шаги, присел у батареи и поддел ногтем край плитки. Та послушно приподнялась, являя миру шуршащий комок. Спрятать его было некуда. Парень аккуратно вытряхнул пилули из свертков, замотал в футболку и сунул в сумку с вещами, приготовленными для выписки. Плитку вернул на место и кусок кафеля лег ровно, будто его и не трогали. “В грязных трусах, надеюсь, им рыться не придет в голову”, - подумал Ярослав.

Сидя на корточках у бесформенной спортивной сумки, он вспомнил все, что произошло до того, как его жизнь принудительно поставили на паузу почти на целых полгода. О детях, которые пропадали в Кальтенморе. О том, что их - словно вычеркнутых из жизни - больше никто не помнил. О дяде Игнате, который отказался забыть свою внучку, за что был также объявлен сумасшедшим... Обо всех тех, о ком поклялся помнить:

Мия - похожая на лисёнка девочка, Он никогда не видел малышку, хоть и слышал от деда тысячи историй. Мухаммед - одноклассник, тихий умненький сирийский мальчик, с которым два года просидел через ряд на математике. Франческа Ионеску - девочка из младших классов. Он толком не знал ее, только видел на переменах и один раз столкнулся у автомата с напитками. Все трое исчезли по очереди, с разницей в несколько недель, а Кальтенмор ответил лишь равнодушным забвением. В классе никто не вспомнил ни Мо ни Мию ни Франческу. Память о них растворилась из классных журналов, из голов учителей и соседей и компьютерных записей. Документы словно сами собой исчезли. А тех немногих, кто имел неосторожность возражать, объявили душевно больными.

Только он все еще хранил память о пропавших. Он, да еще дядя Игнат.

За это Ярика и закрыли здесь. Ну ладно, еще - за взлом дома главного подозреваемого в исчезновениях детей - семейного доктора. От заявления в полицию мать откупилась обещанием подписать добровольное согласие на лечение. Почти полгода терапии в стационаре, бесед о реальности и границах, о травме беженца и подростковой тревожности. Он выучил правильные слова и научился произносить их с правильной интонацией. Врачи были довольны прогрессом. Он тоже. Потому что прогресс означал выписку. А выписка - свободу. Он уже знал, как ею распорядится - будет дальше

искать. Во имя торжества правды. Во имя бесследно пропавших детей.

В дверь постучали - конечно же номинально, кого интересует приватная сфера шизиков? - и в проеме показалась высокая фигура в форменной одежде темно-бирюзового цвета. Этот колор в психушке принадлежал медсестрам. Ну и медбратьям тоже, которых было ничуть не меньше. Атлетичная женщина поправила идеально уложенное седое каре и широко улыбнулась. Одежда отражалась в глазах, делая их похожими на воды средиземного моря. Ей было около шестидесяти, но медсестра выглядела великолепно и была в прекрасной спортивной форме.

— Ну, херр Бойко? Вы готовы к возвращению в скучную школьную жизнь?

— Вы меня раскусили, придется убираться отсюда, — он улыбнулся настоящей улыбкой, потому что видеть Майке ему и правда было приятно.

Она облокотилась на стоящий у стены шкафчик и оглядела опустевшую комнату спокойным профессиональным взглядом.

— За тобой мама приедет?

— Не, у нее работа.

— Ну, ты теперь взрослый совершеннолетний мужчина. Верно?

— Как раз позавчера восемнадцать исполнилось, вы же

знаете.

— Знаю. Видела в карте, - она снова улыбнулась, показав крупные белые зубы. - Поздравляю с совершеннолетием. Помни, мой дорогой, что это не только права, но еще и ответственность.

— Само собой. Я знаю.

Она помолчала, разглядывая его чуть дольше, чем требовал разговор.

— Ты сильно изменился за это время. Быстро пошел на поправку. Доктор Хельберг отмечал, что терапия в твоём случае была особенно успешна, - она продолжала не мигая внимательно смотреть прямо в глаза и улыбаться.

— Ну... да. Спасибо. Что... ээээ подлечили, - он постарался, чтобы это прозвучало искренне. Ярик стеснительно смотрел в пол и выглядел воплощением невинности.

— Всегда пожалуйста! На здоровье. - ответила Майке. Словно ставя точку на разговоре, она выпрямилась, обняла на прощание пациента, который стал ей за эти месяцы почти родным, и стремительно вышла из палаты.

Ярик прикрыл куцый пакет с грязной одеждой другими вещами и неостребованные таблетки, контрабандой вывозимые из клиники, получили предельную степень маскировки.

Формальности заняли ещё минут сорок: подписи, папка с рекомендациями, которую он собирался выбросить в первую же урну, последний короткий разговор с доктором Хельбер-

гом, в котором Ярослава хвалили и выражали надежду, что впредь он будет благоразумен и бережен к своему здоровью. Парень рассеянно кивал в нужных местах.

У выхода из корпуса Майке пожала ему руку - крепко, по-мужски, - и он на секунду физически ощутил, что этой приятной немолодой женщине наряду с жизнерадостной открытостью свойственна и недюжинная сила.

— Еще увидимся, Ярослав.

— Обязательно. Я теперь раз в неделю к вам буду приходить на прием.

Он вышел на улицу, и весенний ветер ударил в лицо - влажный, пахнувший мокрой землёй и первой листвой. После долгих месяцев жизни в искусственной атмосфере больницы эта свежесть пьянила и дурманила.

Вдыхая полной грудью насыщенный пылью воздух, он прошел по лесной дороге до моста и перешел речку, ненадолго задержавшись на середине, глядя на воду. Внизу покачивались утки, упорно и бессмысленно плывя против течения. Где-то в кронах переругивались птицы - обычный утренний гомон, лишенный всякого смысла. Просто весна. Просто еще одно утро.

Повсюду природа импровизированно исполняла оду жизни. Город подпевал в унисон: велосипедисты неторопливо крутили педали по расчерченным дорожкам, старушки катили перед собой роллаторы по парковым тропинкам. У пекарни за столиком сидели двое мужчин и пили утренний ко-

фе, из открытой двери пахло свежим яблочным штруделем с корицей. Невысокие фахверковые фасады блестели после ночного дождя, будто их специально вымыли и почистили к выписке.

Кальтенмору не было до него дела. Как всегда - маленький, приветливый, немного сонный город, в котором, если верить всем вокруг, никогда ничего не случалось.

Ярик торопливо и целеустремленно шагал вперед. Но нет. Домой сейчас он не пойдет.

Адрес был добыт ещё две недели назад - списал, как он любил, с монитора на посту в “аквариуме”, пока медсестра успокаивала разбушевавшегося Ульма. Бумажка с адресом лежала в кармане толстовки, свёрнутая в несколько раз, и он трогал её через ткань, как талисман. С дядей Игнатом они познакомились и виделись только там, в клинике. Ярослав размышлял о том, как встретит его “старший приятель”. Деда выписали перед самым Рождеством. Сам он в то время еще находился в буйном отделении, отрезанный от всего мира, изолированный в своей маленькой комнатенке-одиночке. По слухам Игнат полностью выздоровел, осознал, смирился и отказался от дальнейших поисков несуществующей внучки. Холодный ветерок пробежался по спине Ярика. А вдруг и правда...

Дом нашелся не сразу - минут двадцать он петлял по незнакомым улицам, то и дело сверяясь с бумажкой, пока наконец не добрел до тупика, в который превращалась Лин-

денштрассе и не увидел искомую табличку у подъезда. Дом как дом, ничем не отличался от соседних: низенький, аккуратно оштукатуренный, с почтовыми ящиками у входа. Ярослав никогда здесь не бывал, и от этого волновался сильнее - он на ходу придумал десятки вариантов того, что скажет старику при встрече, но сейчас, поднимаясь по лестнице, все слова разом вылетели из головы. Все решит первый взгляд, которым посмотрит на него дядя Игнат. В нем будет ответ.

Он легко поднялся по лестнице, отыскал нужную дверь и позвонил.

Тишина.

Постучал костяшками - сначала вежливо, потом требовательно, потом осмелев и потеряв терпение - ладонью.

— Дядя Игнат! Это я, Ярослав!

За дверью не раздалось ни звука: ни шагов, ни скрипа половиц, ни тихого позвякивания посуды. Ничего, чем обычно откликается жилая квартира. Он приложил ухо к двери. Пусто, как в коробке.

— Игнат Войцехович, откройте, пожалуйста! - выговорил он с трудом, коверкая непривычное отчество, которым почти никогда не пользовался - слишком сложное, слишком длинное для него.

На шум отозвались соседи. Дверь квартиры первого этажа открылась и на пороге появилась пожилая немка в домашнем кардигане и мягких тапочках, с настороженно-любопытным выражением лица. “Фрау Шульц” - предположил Яро-

слав. Он помнил ее из рассказов деда Игната по его описаниям.

— Кого вы ищете, молодой человек? — спросила она по-немецки, чётко и настороженно, как обычно говорят с чужаками.

— Извините, фрау... Он не рискнул назвать ее по фамилии, заранее боясь ошибиться. Я ищу херра Станишевски. Игната. Он тут живёт, - Ярослав говорил торопливо, с сильным акцентом, глотая падежи. - Немолодой русский. Невысокий такой., - парень задумался и брякнул неуверенно - может быть он с девочкой живет, небольшой такой, лет восемь.

Женщина смотрела на него с искренним недоумением.

— Здесь таких нет. Я живу в этом доме одиннадцать лет, молодой человек, и знаю всех соседей.

— Но... он тут живёт. Я записал адрес специально, - он торопливо вытащил из кармана мятую бумажку, развернул и протянул прямо фрау Шульц, словно это были неопровержимые доказательства его правоты.

— В нашем квартале вообще нет русских семей, - она произнесла это твёрдо, с легким сочувствием к растерянному подростку. - А квартира, в которую вы стучите, пустует уже... - она задумалась, - да порядочно. С прошлой осени, кажется. Хозяева вроде бы выставили её на продажу.

— Этого не может быть, - вырвалось у Ярика по-русски, и он тут же спохватился, повторил по-немецки, тише, всё ещё держа бумажку перед собой или скорее держась за нее, как

за последний оплот здравого смысла.

Женщина окинула его сочувствующим взглядом, пожалала плечами и скрылась за своей дверью.

Ярослав остался стоять в чистом и по-провинциальному уютном подъезде на четыре квартиры, в котором невозможно было заблудиться. Он глядел то на бумажку в руке, то на кнопку звонка, которую явно давно никто не нажимал. На коврике перед дверью лежал тонкий ровный слой пыли. Это было не похоже на квартиру, где еще недавно жил человек. Так выглядит жилище, которое пустует годами.

Внутри снова, впервые после перевода на общее отделение, зашевелилось то самое чувство - вязкое, ледяное, знакомое до тошноты. Ощущение, что земля под ногами не слишком твёрдая, а мир вокруг - далеко не так реален. Три месяца он убеждал врачей, что научился отличать реальность от собственных фантазий, что видит границу между придуманным и существующим. Адрес совпадал. Значит, дело было не в нем. Так в чем же?

Подвела память? А может быть... У него было две гипотезы и обе одинаково его пугали: либо дядя Игнат не отказался от своей борьбы, как его убеждали, и как следствие также необъяснимо пропал без следов. Либо... и это было самое неприятное ... он действительно “чертов шизик”, борющийся с ветряными мельницами и выдумывающий теории заговора.

Ярик вышел из подъезда на негнущихся ногах. От напря-

женной сосредоточенности и потрясения он забывал моргать, и в глазах защипало от напряжения.

На противоположной стороне улицы, у автобусной остановки, стояла знакомая фигура.

“Черт, черт, черт! Она что, за ним следит?”

Майке делала вид, что изучает расписание, но краем глаза цепко следила за парнем. Первая мысль обожгла его холодом: Сейчас снова начнутся вопросы, недоверчивые взгляды, разговоры о «реальности» и «границах».

“Я не вернусь в психушку! Нет! Ни за что! Я не хочу обратно” - истерично билось у него в голове.

Он прикидывал, что сказать: мол заблудился, искал старого знакомого. Что-нибудь безобидное и спокойное. То, что не вызовет новых вопросов. Голова лихорадочно строила защиту, как делала это перед каждой беседой с доктором Хельбергом.

“Главное - не показывать свой страх. Главное - не палиться. А что такого? Я ничего не сделал”

Майке была одета в узкие спортивные джинсы, удобные кожаные кеды и легкий пуховик до талии. На шее красовался элегантный и кокетливый легкий шарфик. “Надо же, как она оказывается выглядит в обычной жизни” - пронеслось ни к селу ни к городу в голове Ярика. Ведь он никогда не видел женщину вне больничных стен.

Майке не стала опускаться до того, чтобы играть в случайную встречу. Уверенными шагами она направилась в его сто-

рону, сдержанно улыбаясь. Ярослав остался стоять, словно приклеенный. Судорожно искал в голове правильные фразы, готовился защищаться, оправдываться, врать и изворачиваться. Женщина подошла ближе и посмотрела ему прямо в глаза. Не так, как заботливая медсестра смотрит на пациента. И не так, как женщина, которая годится в матери, смотрит на желторотого неопытного юношу. Долго. Пристально. Изучающе. С нескрываемым интересом.

— Здравствуйте. Ой, вы тут рядом живете, да? А я вот решил воздухом подышать...

Она не мигая продолжала его разглядывать.

— ... прогуляться вот... - продолжил Ярик автоматически, но энтузиазм быстро иссяк, и он смущенно замолчал, чувствуя, что его незатейливая актерская игра в этом случае бесполезна. И он давно был разоблачен и раскрыт.

Майке Зелоу - высокая дама. Сто восемьдесят сантиметров "с хвостиком". В нем же самом было почти два метра роста. Но несмотря на этот факт парень смотрел на медсестру снизу вверх. Как детсадовец на всемогущую воспитательницу. Женщина стояла прямо и крепко, занимая куда больше места, чем требовали габариты, и во всем ее облике не осталось больше ничего от простоватой приветливой медсестры, что провожала его до дверей корпуса час назад.

— Ярослав. Пожалуйста, не надо врать и оправдываться. У тебя ведь найдется полчаса времени? Нам нужно кое-о чем серьезно погово-

ритель.-----

Дорогой читатель! Спасибо тебе за интерес к моей новой книге. Роман находится в работе. Регулярные публикации начнутся в сентябре 2026 года. Добавь книгу в избранное, чтобы вовремя получить уведомление!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.